Очерки и воспоминанія.

I.

МОСКОВСКОЕ СЕМЕЙСТВО СТАРАГО БЫТА.

Князь Петръ Александровичъ Оболенскій [1]), родоначальникъ многоколѣннаго потомства Оболенскихъ, былъ въ свое время большой оригиналъ (то есть таковымъ былъ-бы онъ преимущественно нынѣ, а въ прежнее время, въ эпоху особенныхъ личностей и физіономій болѣе опредѣленныхъ, оригинальность его не удивляла и не колола глаза). Послѣдніе свои двадцать - тридцать лѣтъ прожилъ онъ въ Москвѣ почти безвыходнымъ домосѣдомъ. Изъ посторонныхъ онъ никого не видалъ и не зналъ. Дòма занимался онъ чтеніемъ Русскихъ книгъ и токарнымъ мастерствомъ. Онъ, вѣроятно, былъ довольно равнодушенъ ко всему и ко всѣмъ, но дорожилъ привычками своими. День его былъ строго и въ обрѣзъ размежеванъ; чрезполосныхъ владѣній и участковъ тутъ не было: все имѣло свое опредѣленное мѣсто, свою грань, свое время и мѣру свою. Разумѣется, онъ рано и въ назначенные часы ложился, вставалъ и обѣдалъ; обѣдалъ всегда одинъ, хотя дòма семейство его было многолюдно. Старичекъ былъ онъ чистенькій, свѣженькій, опрятный, даже щеголеватый; но платье его, разумѣется, не измѣнялось по модѣ, а держалось всегда одного и имъ приспособленнаго себѣ покроя. Всѣ домашнія или комнатныя принадлежности отличались изящностью. Англійскій *комфортъ* не былъ еще тогда перенесенъ въ нашъ языкъ и въ наши нравы и обычаи; но онъ угадалъ его и ввелъ у себя, то есть свой комфортъ, не слѣдуя ни модѣ, ни нововведеніямъ. Осенью, даже и въ года довольно престарѣлые, выѣзжалъ онъ съ шестью сыновьями своими на псовую охоту за зайцами. Какъ ни дичился онъ, или, по крайней мѣрѣ, какъ ни уклонялся отъ общества, но не былъ нелюдимъ, суровъ и старчески-брюзгливъ. Напротивъ, часто добрая и нѣсколько-тонкая улыбка озаряла и оживляла его младенчески-старое лице. Онъ любилъ иногда и слушать и самъ отпускать шутки, или веселыя рѣчи, которыя на Французскомъ языкѣ называются gaudrioles, а у насъ не знаю какъ назвать благоприлично, и которыя обыкновенно имѣютъ особенную прелесть для стариковъ даже и безпорочно-цѣломудренныхъ въ нравахъ и въ житьѣ-бытьѣ: лукавый всегда чѣмъ нибудь, такъ или сякъ, а слегка заманиваетъ насъ въ тенёта свои. Князь Оболенскій одиночествомъ или особничествомъ своимъ не тяготился, но любилъ, чтобы дѣти его—всѣ уже взрослые—заходили къ нему поочередно, но не на долго. Если они

[1]) Род. 3 Іюня 1742, ум. 22 Мая 1822. П Б.

какъ нибудь забудутся и засидятся, онъ, дружески и простодушно улыбаясь, говаривалъ имъ: милые гости, не задерживаю ли васъ? Тутъ мгновенно комната очищалась до новаго посѣщенія. Въ дѣтствѣ моемъ, мнѣ всегда было пріятно, когда онъ допускалъ меня въ свою изящную и свѣтлую келью: безсознательно догадывался я, что онъ живетъ не какъ другіе, а по своему.

Женатъ князь П. А Оболенскій былъ на княжнѣ Вяземской [1]), сестрѣ князя Ивана Андреевича. Въ продолженіи брачнаго сожительства ихъ, имѣли они двадцать дѣтей. Десять изъ нихъ умерло въ разныя времена, а десять пережили родителей своихъ. Не смотря на совершеніе своихъ двадцати женскихъ подвиговъ, княгиня была и въ старости, и до конца своего бодра и крѣпка, роста высокаго, держала себя прямо, и не помню, чтобы она бывала больна. Таковы бывали у насъ *старосвѣтскія помѣщичьи* сложенія. Почва не изнурялась и не оскудѣвала отъ плодовитой растительности. Безо всякаго приготовительнаго образованія, была она ума яснаго, положительнаго и твердаго. Характеръ ея былъ таковъ-же. Въ семействѣ и въ хозяйствѣ княгиня была князь и домоправитель, но безъ малѣйшаго притязанія на это владычество. Оно сложилось само собою къ общей выгодѣ, къ общему удовольствію, съ естественнаго и невыраженнаго соглашенія. Она была не только начальницею семейства своего, но и связью его, сосредоточіемъ, душою, любовью. Въ ней были нравственныя правила, самородныя и глубоко засѣвшія. Въ одинъ изъ пріѣздовъ въ Москву Императора Александра, онъ обратилъ особенное вниманіе на красоту одной изъ дочерей ея, княжны Наталіи [2]). Государь, съ обыкновенною любезностью своею и внимательностью къ прекрасному полу, отличалъ ее: разговаривалъ съ нею въ Благородномъ Собраніи и въ частныхъ домахъ, неразъ на балахъ проходилъ съ нею полонезы. Разумѣется, Москва не пропустила этого мимо глазъ и толковъ своихъ. Однажды домашніе говорили о томъ при княгинѣ-матери и шутя дѣлали разныя предположенія.—«Прежде этого задушу я ее своими руками», сказала Римская матрона, которая о Римѣ никакого понятія не имѣла. Нечего и говорить, что царское волокитство и всѣ шуточныя предсказанія никакого слѣда по себѣ не оставили.

Это семейство составляло особый, такъ сказать, міръ Оболенскій. Даже въ тогдашней патріархальной Москвѣ, богатой многосемейнымъ и особенно многодѣвичьимъ составомъ, отличалось оно отъ другихъ какимъ-то благодушнымъ, свѣтлымъ и рѣзкимъ отпечаткомъ. На лицо было шесть сыновей и четыре дочери. Было время, что всѣ братья, еще далеко не старые, были въ отставкѣ. Это также было въ своемъ родѣ особенностью въ нашихъ служилыхъ нравахъ. Нѣкоторые изъ нихъ, уже въ царствованіе Александра, щеголяли еще, по большимъ праздникамъ, въ военныхъ мундирахъ Екатерининскаго времени: тутъ являлись на показъ особенный покрой, разноцвѣтные обшлага, красные камзолы съ золотыми позументами и, помнится мнѣ, желтые штаны. Всѣ они долго жили съ матерью и у матери. Будничный обѣденный столъ былъ уже порядочнаго размѣра, а праздничный выросталъ вдвое и втрое. Особенно въ лѣтніе и осенніе мѣсяцы, въ подмосковной, эта семейная жизнь принимала необыкно-

---

[1]) Екатеринѣ Андреевнѣ, род. 1741, ум. въ Январѣ 1811.—[2]) Княжна Наталія Петровна вышла замужъ за Василія Михайловича Михайлова. П. Б.

венные размѣры и характеръ. Кромѣ семейства въ полномъ комплектѣ, пріѣзжали туда погостить и другіе родственники. Небольшой домъ, небольшія комнаты имѣли какое-то эластическое свойство: размноженіе хлѣбовъ, помѣщеній, кроватей, а за недостаткомъ ихъ размноженіе дивановъ, размноженіе для пріѣзжей прислуги харчей и корма для лошадей, все это какимъ-то чудомъ, по слову хозяйки, совершалось въ этой ветхозавѣтной сторонѣ. А хозяева были вовсе люди небогатые. Помнится мнѣ, что въ отрочествѣ моемъ, по приказанію княгини, отводили мнѣ всегда на ночь кровать-не кровать, диванъ-не диванъ, а что-то узкое и довольно короткое, которое называла она, не знаю почему, *лодочкою*. Гдѣ эта лодочка? Жива-ли она? Что̀ сдѣлалось съ нею? Какъ мнѣ хотѣлось-бы ее увидать и хотя еще болѣе скорчившись, чѣмъ во время о̀но, улечься въ ней. Вспоминаю о ней съ сердечнымъ умиленіемъ. Я увѣренъ, что нашелъ-бы въ ней и теперь прежній и беззаботный сонъ, со свѣтлыми сновидѣніями и радостнымъ пробужденіемъ. Но много утекло съ того времени воды, свѣтлой и прозрачной, мутной и взволнованной; съ нею, безъ сомнѣнія, утекла и лодочка моя и разбилась въ дребезги. Во всякомъ случаѣ, мы Русскіе—не антикваріи и небрежливы въ отношеніи къ семейнымъ мебели, утварямъ, портретамъ предковъ. Мы привыкли и любимъ заживать съ нынѣшняго текущаго дня.

Мой отецъ, родной племянникъ княгини Екатерины Андреевны, съ молодости своей до конца питалъ къ ней особенную преданность и почти сыновнюю любовь. Мой дѣдъ, былъ, кажется, нрава довольно крутаго и повелительнаго; сынъ его находилъ при матери своей (урожденной княжнѣ Долгоруковой) и при теткѣ своей теплый пріютъ, а иногда и защиту отъ холоднаго и суроваго обращенія родителя своего.

Въ памяти моей врѣзался одинъ разговоръ отца моего съ теткою своею. Она обѣдала у насъ; мнѣ тогда было, можетъ быть, лѣтъ десять. Уже сказано было выше, что она мало была учена и образована. Міръ былъ тогда полонъ именемъ Бонапарта; немудрено, что оно дошло и до нея. За обѣдомъ рѣчь какъ-то коснулась Франціи. Она просила отца моего объяснить ей, что̀ это за человѣкъ, о которомъ всѣ говорятъ. Отецъ мой былъ пламенный приверженецъ Наполеона, генерала и перваго консула. Онъ, въ сжатомъ, но живомъ разсказѣ, нарисовалъ очеркъ Бонапарта, перечислилъ дѣла его, объяснилъ значеніе его во Франціи, а слѣдовательно и во всей Европѣ, однимъ словомъ преподалъ въ импровизаціи полный историческій урокъ. Помню и теперь, какое впечатлѣніе произвела на меня эта словомъ оживленная и раскрашенная картина. Мой отецъ, какъ и почти всѣ образованные люди его времени, говорилъ болѣе пофранцузски; но здѣсь нужно было говорить порусски, потому что слушательница никакого другаго языка не знала. Жуковскій, который введенъ былъ въ нашъ домъ Карамзинымъ, говорилъ мнѣ, что онъ всегда удивлялся скорости, ловкости и мѣткости, съ которыми, въ разговорѣ, отецъ мой переводилъ на Русскую рѣчь мысли и обороты, которыя, видимо, слагались въ головѣ его на Французскомъ языкѣ. У отца моего въ спальнѣ висѣлъ на стѣнѣ большой Бонапартовскій портретъ, тканый шелкомъ въ Ліонѣ и высланный ему въ подарокъ фабрикантомъ, пріѣзжавшимъ въ Москву. Эти частно-историческія отмѣтки кидаютъ нѣкоторый свѣтъ на эпоху. Нельзя не

замѣтить и не повторить, что въ то время было болѣе свободы, нежели нынѣ, разумѣется, не въ политическомъ и гражданскомъ отношеніи, а въ личномъ и самобытномъ. Были открытыя симпатіи и антипатіи; никто не утаевалъ ихъ, и общество покрывало все и обезпечивало своею безпристрастною терпимостью. Никто, даже и несогласные съ отцомъ моимъ, не упрекали ему за Французскія сочувствія его.

Брачные союзы, въ продолженіи времени, должны были вносить новыя и разнородныя стихіи въ единообразную и густую среду семейства Оболенскихъ. Оно такъ и было. Но такова была внутренняя сила этого отдѣльнаго міра, что и пришлыя, чуждыя приращенія скоро и незамѣтно сливались, спаивались, сцѣплялись, сростались вмѣстѣ въ благоустроенномъ организмѣ, первоначальномъ и цѣльномъ. Послѣ нѣкотораго времени, болѣе или менѣе краткаго или продолжительнаго, и мужья вошедшіе въ семейство, и жены въ него поступившія, казалось, также искони урожденными Оболенскими. Ничего подобнаго этой *ассимиляціи*, этому объединенію никогда и нигдѣ не было. Политикѣ можно бы позавидовать, глядя на это само собою, тихо и будто безсознательно совершавшееся перерожденіе отдѣльныхъ частностей и личностей, всецѣло, сердцемъ и обычаями, примыкавшихъ къ господствующему единству. Такова была привлекательная и нѣжнолюбивая сила семейная, которая образовалась и окрѣпла подъ сѣнью и благословеніемъ умной, твердой и чадолюбивой матери. Не было ни зятей, ни невѣстокъ, ни доморощеныхъ и природныхъ, ни присоединенныхъ: всѣ были чада одной семьи, всѣ свои, всѣ однородные.

Тутъ, напримѣръ, былъ князь Щербатовъ, братъ извѣстной княжны Щербатовой, которой суждено было озаботить и подернуть тѣнью нѣсколько дней изъ свѣтлой жизни Императрицы Екатерины. Молодому и блестящему флигель-адъютанту Императора Павла, живому, свѣтскому, казалось, мудренѣе было бы подладить подъ уровень новаго семейства, въ которое онъ вступилъ; но сначала любовь, а потомъ Оболенская атмосфера переродили и его. Онъ, пріѣхавъ изъ Петербурга въ Москву, влюбился въ красавицу княжну Варвару *). Бракъ ихъ совершенъ былъ романически и таинственно. Его мать, женщина суровая и властолюбивая, противилась этому браку, со всѣми послѣдствіями отказа въ материнскомъ согласіи. Разумѣется, и мать невѣсты не могла, въ подобныхъ условіяхъ, одобрить этотъ бракъ. Но, кажется, мой отецъ благопріятствовалъ любви молодой четы и способствовалъ браку, уговоривъ свою тетку остаться въ сторонѣ и, по крайней мѣрѣ, не мѣшать счастію влюбленныхъ. Они тайно обвѣнчались и въ тотъ же день отправились въ Петербургъ. Помню, какъ она, въ дорожномъ платьѣ, заѣзжала къ отцу моему проститься съ нимъ и, вѣроятно, благодарить его за усердное и успѣшное участіе; помню, какъ поразила меня красота ея и особенность одежды; вижу и теперь платье темнозеленаго кашмира, въ родѣ амазонки. На головѣ шляпа, болѣе круглая, мужская, нежели женская. Изъ подъ шляпы падали и извивались бѣлокурыя кудри. Дѣтство мое угадывало, что во всемъ этомъ есть какая-то романическая

---

*) Княжна Варвара Петровна, род. 14 Января 1774, скончалась 11 Января 1843, супруга князя Александра Ѳедоровича Щербатова, род. 13 Іюля 1778, скончался 30 Апрѣля 1817. П. Б.

тайна. Послѣ многихъ лѣтъ, старуха княгиня Щербатова простила сына своего и приняла у себя невѣстку.

Во многомъ противоположный Щербатову, сдѣлался послѣ членомъ семейства генералъ Дохтуровъ, съ честью вписавшій имя свое въ наши военныя лѣтописи. И сей боевой служака, женившись, сталъ мирный и добрый семьянинъ, совершенно свыкшійся съ новымъ бытомъ своимъ. При пробужденіи моихъ воспоминаній о немъ, предо мною рисуется человѣкъ уже довольно пожилой, роста небольшаго, сложенія плотнаго, обращенія тихаго и скромнаго; помнится мнѣ, былъ онъ довольно молчаливъ, что̀ называется серьезенъ и невозмутимъ. Невозмутимъ бывалъ онъ, говорятъ, и въ пылу битвы. Кажется, Михаилъ Орловъ говорилъ мнѣ, что въ какомъ-то жаркомъ сраженіи, посреди самаго разгара, нашелъ онъ его спокойно сидящаго на барабанѣ и дающаго приказанія войскамъ, а пули и ядра такъ кругомъ и сыпались. Но смерть поджидала его не тутъ. Видѣлъ я его за полъ-часа до кончины. Это было въ Москвѣ. Въ семействѣ Оболенскихъ праздновалась обѣдомъ, кажется, чья-то свадьба. Дохтуровъ не садился за столъ, чувствуя себя не совершенно здоровымъ. Но онъ нѣсколько разъ обходилъ гостей, обмѣнивался съ ними нѣсколькими словами, выпилъ бокалъ Шампанскаго за здоровіе новобрачныхъ и тотъ-часъ послѣ обѣда уѣхалъ. До̀ма велѣлъ онъ затопить каминъ, сѣлъ предъ нимъ и тутъ же умеръ. Нѣжно любившая жена его была въ отлучкѣ и должна была въ тотъ же день, или на другое утро къ нему пріѣхать. Одинъ изъ братьевъ поѣхалъ ей на встрѣчу, чтобы увѣдомить о постигшемъ ее несчастіи. Она пережила мужа многими годами, нѣжно и вѣрно преданная памяти его. Я всегда питалъ къ ней чувство особенной привязанности. Изъ семьи Оболенской, она болѣе другихъ дружна была съ матерью моею, молодою, изъ далекаго края переселенною въ міръ ей совершенно чуждый и незнакомый. Добрая пріятельница, вѣроятно, руководствомъ и участіемъ облегчала и поддерживала ее, въ минуты трудныя, неизбѣжныя, когда вступаешь на новый путь. Влеченіемъ поздняго, но не менѣе того живаго чувства ставлю себѣ въ обязанность и пріятно мнѣ заявить здѣсь памяти ея мою нѣжную и сыновнюю благодарность *).

Князь Александръ Петровичъ Оболенскій водворилъ въ семейство свое дочь Ю. А. Нелединскаго. Вотъ это было уже изъ совершенно другаго лагеря. Но послѣдствія были тѣже. Нелединская не была красавица, роста небольшаго, довольно плотная, но глаза и улыбка ея были отмѣнно и сочувственно выразительны; въ нихъ было много чувства и ума, вообще было много въ ней женственной прелести. Въ умѣ ея было сходство съ отцомъ: смѣсь простосердечія и веселости, нѣсколько насмѣшливой. Она очень мило пѣла; романсы отца ея, при ея пріятномъ голосѣ, получали особую выразительность. Въ сочиненіяхъ Жуковскаго есть очень милое и теплое къ ней посланіе; содержаніе его наиболѣе посвящено памяти сестры моей, бывшей впослѣдствіи за мужемъ за княземъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Щербатовымъ, съ которою съ самаго дѣтства была она очень дружна. Сначала волокитство князя Александра шло не очень

*) Княжна Марья Петровна, род. 17 Ноября 1771, скончалась въ Мартѣ 1852. О супругѣ ея, Дмитріи Сергѣевичѣ Дохтуровѣ см. въ Р. Архивѣ 1874 (книга I-я), гдѣ напечатаны его біографія и письма. П. Б.

удачно. Пріятельница Неделинской, остроумная Хомутова, по этому поводу шуточно перефразировала стихи Французской трагедіи:

> Vous voyez devant vous un prince déplorable,
> De la rigeur des dieux exemple mémorable.

(а право, много ума и веселости было въ нашу молодость!) Нелединская съ своимъ обожателемъ немножко кокетничала, флертечничала, или, какъ мой отецъ говаривалъ, *пересемьнивала*, дѣло все на ладъ не шло, но наконецъ пошло: они обвѣнчались и многіе годы провели въ согласіи и любви. Молодая внесла новый, свѣжій элементъ литтературной и болѣе утонченной свѣтскости въ патріархальную среду принявшаго ее семейства. Но не менѣе того добрый, простодушный строй его вскорѣ подчинилъ и ее общему семейному настроенію. Въ этой семьѣ не могло быть разноголосицы. Однимъ словомъ, въ княгинѣ Аграфенѣ Юрьевнѣ замѣтно было, что она дочь Нелединскаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ было видно, что она и жена Оболенскаго. Прекрасныя и благородныя свойства князя достаточно вѣрно выразились въ напечатанной прошлымъ годомъ книгѣ: «Хроника недавней старины». Умная и разборчивая въ людяхъ великая княгиня Екатерина Павловна отличалась особеннымъ довѣріемъ и уваженіемъ двухъ братьевъ Оболенскихъ, князей Василія и Александра, служившихъ адъютантами при герцогѣ Ольденбургскомъ.

Старшій сынъ былъ князь Андрей Петровичъ. Уже вдовый (первая жена его была урожденная Маслова) женился онъ за границею, на княжнѣ Гагариной, дочери той Темиры, которую нѣкогда такъ нѣжно и пламенно, съ такимъ страстнымъ самоотверженіемъ любилъ и воспѣвалъ Нелединскій. Княжна Гагарина была, кажется, воспитана за границею, или довершила тамъ свое воспитаніе. Это нѣжное, молодое растеніе было внезапно пересажено съ дальной, чуждой почвы на Московскую почву, въ другой климатъ, подъ условія совершенно новыя, которыя не могли имѣть ничего общаго и сходнаго съ тою атмосферою, которою оно до того дышало. Мужъ былъ уже не первой молодости; слѣдовательно не могло быть упоенія и особеннаго увлеченія; но не менѣе того, она, такъ сказать, съ перваго дня обрусѣла, омосквичѣла и переродилась въ купели Оболенскаго крещенія. Нельзя достаточно надивиться этой силѣ объединенія, которое царствовало въ этой многочисленной и, частью, разнородной семьѣ. И вся эта сила почерпала свое законное, освященное, любвеобильное начало, въ одномъ чувствѣ, чувствѣ семейной связки; въ одномъ имени, въ одной власти: имени и власти матери. Рѣка принимаетъ въ себя, сосредоточиваетъ въ своемъ лонѣ влекущіяся къ ней ручьи просто, естественно, потому что она рѣка. Мать, общимъ притягательнымъ притокомъ, сосредоточиваетъ въ себѣ семью просто потому, что она мать. Нѣтъ власти естественнѣе, святѣе власти материнской.

Послѣ смерти родителей своихъ, старшій въ семьѣ, прямой законный наслѣдникъ, былъ князь Андрей Петровичъ. Безъ предварительныхъ соглашеній, безъ избранія, а также просто, по общему влеченію, онъ и сдѣлался главою семейства. Авторитетъ его, не имѣя законнаго освященія давности, можетъ быть, и не имѣлъ вполнѣ нравственнаго значенія, которымъ пользовалась первоначальная власть; но въ этой династіи Оболенскихъ законъ прямонаслѣдія не могъ быть никѣмъ оспариваемъ. Такимъ образомъ, это семейство,

это колѣно Оболенскихъ, составило опять, или вѣрнѣе сказать, осталось въ Москвѣ неразрозненнымъ, нераздробленнымъ племенемъ, а живою, самобытною и крѣпко-сплоченною единицею.

Время между тѣмъ шло своимъ порядкомъ и со своими видоизмѣненіями. Домъ сына не былъ уже старосвѣтскимъ домомъ матери. Новые обычаи, новыя требованія заглянули и отчасти, какъ бы незамѣтно, вторглись и въ него. Сохраняя, впрочемъ, свой индивидуальный отпечатокъ, свою особенную первенствующую ноту, онъ согласовался съ господствующимъ настроеніемъ общежитія. Тутъ бывали и балы, и спектакли. Но главнымъ признакомъ и отличительною принадлежностью этого дома была семейная жизнь. Семейные обѣды еще разрослись съ размноженіемъ семейства, уже усиленнаго народившимися поколѣніями. Отличительною чертою этихъ обѣдовъ было и то, что число служившихъ за столомъ почти равнялось числу сидѣвшихъ за столомъ. Въ старыхъ домахъ нашихъ многочисленность прислуги и дворовыхъ людей была не однимъ послѣдствіемъ тщеславнаго барства: тутъ было также и семейное начало. Наши отцы держали въ домѣ своемъ, кормили и одѣвали старыхъ слугъ, которые служили отцамъ ихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ призрѣвали и воспитывали дѣтей этой прислуги. Вотъ корень и начало этой толпы болѣе домочадцевъ, чѣмъ челядинцевъ. Тутъ худаго ничего не было; а при старыхъ порядкахъ было много и хорошаго, и человѣколюбиваго.

Вовсе не будучи Англоманомъ, князь Андрей Петровичъ живалъ большую часть года въ подмосковной своей, селѣ Троицкомъ, Подольскаго уѣзда. Подмосковная была настоящимъ и любимымъ мѣстопребываніемъ его. Тамъ онъ жилъ, въ Москвѣ гостилъ. Тамъ была и довольно богатая библіотека съ нѣкоторыми роскошными изданіями. Собралъ онъ ее во время пребыванія своего за границею. Самъ мало пользовался онъ ею, по крайней мѣрѣ, въ послѣдніе года. Однажды сказалъ онъ мнѣ, что нынѣ, кромѣ духовныхъ, онъ никакихъ книгъ не читаетъ. Не знаю, принадлежалъ-ли онъ къ какой нибудь масонской ложѣ; но пріятельскія связи его съ Плещеевымъ, княземъ А. Н. Голицынымъ, Кошелевымъ, графомъ Львомъ Разумовскимъ могутъ удостовѣрить, что онъ, по крайней мѣрѣ, сочувствовалъ ихъ духовному и мистическому настроенію. Особенно въ осенніе мѣсяцы, деревенскій Троицкій домъ былъ многолюденъ и оживленъ: всѣ родные съ своими чадами и домочадцами, дядьками, гувернантками, прислугою переселялись туда на нѣсколько недѣль. Бывали нѣкоторые и посторонніе изъ пріятелей. Между прочими бывалъ нѣкто Митрополитовъ, не знаю, кто и что́ именно и откуда онъ. Но онъ очень любимъ былъ въ семействѣ. Отъ него собственно слыхалъ я только одно: «А что, ваше сіятельство, каковы табачки?» То есть каковъ послѣдній мною купленный Турецкій табакъ. (Тогда сигары были еще малоизвѣстны). Находился тутъ и отставной генералъ Муромцевъ, большой чудакъ, но человѣкъ честный, умный, крѣпко изувѣченный въ Екатерининскихъ войнахъ, и самъ добровольно и съ любовію крѣпко изувѣчивавшій Французскій языкъ, къ особенному удовольствію графа Ростопчина, также пріятеля его. Въ Муромцовѣ было много и сердечности. Въ 12-мъ году, незадолго до Московскаго разгрома, зная, что денежныя средства Карамзина довольно ограничены и что собирается онъ выѣхать изъ Москвы съ семействомъ своимъ, онъ добровольно предложилъ ему взять у него за-

имообразно десять тысячъ рублей. Въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, когда будущее было очень сомнительно, подобное предложенiе человѣку, съ которымъ не былъ онъ въ дружественныхъ связяхъ, а только въ свѣтско-прiятельскихъ, вѣрно опредѣляетъ оцѣнку и нравственное достоинство его. Даже Карамзинъ, котораго утро было исключительно посвящено исторической работѣ, жертвовалъ ею разъ или два въ теченiи лѣта и ѣзжалъ изъ Остафьева на день или два въ село Троицкое.

Осеннiе сборы имѣли здѣсь преимущественно цѣлью охоту за зайцами. Охота и всѣ принадлежности ея были хорошо и богато устроены. Въ промежуткахъ при охотѣ за зайцами, усердно шла охота и за картами; не въ видѣ выигрыша, потому, что всѣ были свои, и что игра была по маленькой; но надобно-же было Русской честной компанiи не терять золотаго времени. Иногда садились за карты тотчасъ послѣ завтрака вплоть до обѣда, разумѣется, по деревенскому обычаю въ часъ по полудни. Тутъ всѣ играли: отцы и дѣти, мужья и жены, старые и малые. За обѣдомъ обыкновенно съѣдали, въ разныхъ видахъ и приготовленiяхъ, всѣхъ зайцевъ затравленныхъ наканунѣ.

Карты имѣли вообще значенiе въ жизни князя Андрея Петровича, хотя онъ былъ вовсе не игрокъ. Въ первой молодости своей, прiѣхалъ онъ изъ Москвы въ Петербургъ съ рекомендательными письмами къ роднымъ, но не имѣя въ виду никакого особеннаго покровительства. Положенiе довольно затруднительное и почти безысходное; но здравый умъ его и разсудительность нашли исходъ. Въ обществахъ, гдѣ онъ бывалъ, сильные мiра сего по вечерамъ играли въ коммерческiя игры. Чтобы не быть въ такомъ обществѣ, не только лишнимъ, но сдѣлаться и нужнымъ, онъ рѣшился отложить изъ небольшаго капитала своего потребную частичку и пожертвовать ею, для завоеванiя себѣ мѣста въ новой средѣ своей. Онъ предложилъ себя участникомъ въ игрѣ. Опредѣленную сумму онъ, можетъ быть, и спустилъ; на главное было добыто: онъ ознакомился, сблизился съ разными значительными лицами, онъ прiобрѣлъ право гражданства въ городскомъ обществѣ. Послѣ этого, остальное пошло само собою. Въ этомъ разсчетѣ его, въ этой отрывочной чертѣ, довольно ясно обозначается и складъ ума его, и складъ тогдашняго общества. Но впрочемъ исключительно-ли и одного-ли тогдашняго?

Князь Андрей Петровичъ умеръ въ позднихъ лѣтахъ и оставилъ по себѣ довольно многолюдное семейство. Дочь его, отъ перваго брака, была за мужемъ за Николаемъ Аполлоновичемъ Волковымъ, сыномъ извѣстной въ Москвѣ Маргариты Александровны и братомъ извѣстной Марiи Аполлоновны, которая, неожиданно и непредвидимо для самой себя, получила загробную журнальную извѣстность, по милости писемъ ея, довольно нескромно, а частью и не кстати обнародованныхъ въ журналахъ.

Можно положительно сказать, что князь оставилъ по себѣ добрую и честную память въ Московскомъ обществѣ и даже въ Московскомъ университетѣ, котораго былъ нѣсколько лѣтъ попечителемъ, хотя, конечно, ни приготовительныя условiя, ни самыя личныя склонности и желанiя, не предназначали его на подобное званiе. Онъ былъ, какъ сказано выше, честный, высокой нравственности, здраво-мыслящiй и духовно-религiозный человѣкъ. Эти качества, и не безъ нѣкоторой основательности, обратили на него вниманiе и вы-

боръ Императора Александра и министра просвѣщенія кн. Голицына. Впрочемъ, положеніе, которое умѣлъ онъ заслужить въ обществѣ, побудило еще прежде Великую Княгиню Екатерину Павловну предложить ему мѣсто губернатора въ Твери, отъ котораго онъ отказался. Кажется, позднѣе было ему предложено званіе сенаторское, отъ котораго онъ также уклонился.

Вотъ посильный очеркъ семейной картины стараго быта. Краски мною употребленныя не ярки, но вѣрны. Самое содержаніе картины не богато движеніемъ и замысловатостью; но оно взято съ натуры, писано съ памяти, но памяти сердечной, а по выраженію Батюшкова:

О память сердца, ты сильнѣй
Разсудка памяти печальной!

Признаюсь, мнѣ отрадно было писать эту картину и уловлять въ ней мелкія принадлежности и подробности, которыя могутъ посторроннимъ зрителямъ казаться неумѣстными и лишними. Но я самъ имѣю свой уголокъ въ этой картинѣ: и я былъ въ ней дѣйствующимъ лицемъ. Весело, а можетъ быть и грустно, смотрѣть на себя, какъ въ волшебномъ зеркалѣ, и увидѣть себя каковымъ былъ ты, въ любимомъ и счастливомъ *нѣкогда*.

Впрочемъ, въ попыткѣ моей отзывается не одно частное и личное, или какъ говорится нынѣ *субъективное* побужденіе; здѣсь есть еще и болѣе и широкое и *объективное*. Какъ ни заглядывай въ минувшее, какъ ни проникай въ него, а все же, хотя по соображенію и по сравненію, не минуешь настоящаго: невольно наткнешься на него. Такъ и со мною. Посмотрѣвъ на то, чтò было, хочется мнѣ окинуть бѣглымъ взглядомъ и то, чтò есть. Мнѣ кажется, что нынѣ едва-ли найдется семейство подобное тому, которое мною обрисовано. Не говорю уже о численности. Старое время было урожайнѣе нашего. Во всякомъ случаѣ, семейное начало потрясено и урѣзано, на Западѣ, еще болѣе нежели у насъ. Семейства раздроблены, однѣ личности выступаютъ впередъ. Въ этомъ, можетъ быть, есть признакъ и выраженіе нѣкотораго улучшенія и освобожденія, или также, какъ говорится нынѣ, *соціальнаго прогресса*. Не споримъ. Но есть вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ быть, и признакъ, зародышъ нѣкотораго таящагося общественнаго разложенія. Есть Русская пословица: «прибыль и убытокъ на однихъ саняхъ ѣздятъ». Люди, а особенно мы Русскіе, во всѣхъ вопросахъ, смотримъ на одну прибыль, которую возимъ и катаемъ, а на попутчика ея не смотримъ. Между тѣмъ онъ тутъ; рано, или поздно, можетъ быть, онъ дастъ себя знать. Вотъ отъ чего наши окончательные разсчеты часто невѣрны, иногда намъ и въ накладъ. Семейное начало есть почва, есть основа, на которой зиждется и общественное. Если не признавать семейнаго авторитета и дома не пріучаться уважать его, едва-ли будемъ мы позднѣе способны признавать авторитетъ общественный и честно и съ любовью служить ему. Если мы изъ родительскаго дома выносимъ начало розни, то неминуемо внесемъ туже рознь и въ общество. Тогда уже общества собственно нѣтъ, а будутъ отдѣльныя общества, расколы, которые каждый создаетъ по образу и подобію своему. Искусныя узы политическаго родства не могутъ имѣть прочность и святость естественныхъ семейныхъ узъ.

Нынѣ идетъ повсемѣстно споръ объ уравненіи правъ и дѣятельности между прекраснымъ поломъ и поломъ некрасивымъ. Почему-

же и не идти этому спору? Нѣтъ сомнѣнія, что мущины могли-бы, съ вѣжливою уступчивостью, подѣлиться съ женщинами нѣкоторыми своими присвоенными себѣ *профессіями* и занятіями, другія даже имъ вовсе уступить. Но все это исключенія, случайности. Но все-же настоящее, природою указанное, святое мѣсто женщины есть домъ, есть семейный очагъ, будь она мать, дочь или сестра. Внѣшняя, шумная, боевая, дѣловая жизнь, многосложная дѣятельность, можно сказать, несовмѣстна съ призваніемъ женщины, даже недостойна ея; въ скромномъ и свѣтломъ призваніи она выше, независимѣе, свободнѣе, нежели будетъ она на искусственныхъ и завоеванныхъ ею подмосткахъ.

Впрочемъ, искони бывали примѣры, что женщины входили въ благородное совмѣстничество съ мущинами. Всегда и вездѣ бывали женщины ученыя, политическія; бывали женщины великіе писатели, превосходные художники. Слѣдовательно неодолимыхъ преградъ общество предъ ними не воздвигало; не было общественнаго давленія, которое заглушало-бы природныя призванія и дарованія, когда теплились въ нихъ лучь и зародышъ дарованія.

Скажемъ мимоходомъ: если признавать семью, то надобно-же кому нибудь оставаться дома; а когда и жена съ утра, подобно мужу, будетъ обязана отправляться на службу, на работу и къ должности, то кто-же останется представителемъ и отвѣтственнымъ лицемъ семейнаго дома, семейнаго начала?

— Quelle est la femme que vous estimez le plus? спросила Бонапарте г-жа Сталь.

— Celle qui a le plus d'enfants, отвѣчалъ онъ ей наотрѣзъ. Отвѣтъ конечно, не очень любезный и даже грубый. Впрочемъ вопросъ стоитъ отвѣта.

Но когда найдется женщина, которая не только мать многочисленнего семейства, но и нравственная связь и нравственная сила его; но когда эта мать, подобно крѣпкой и доблестной женѣ Священнаго Писанія, наблюдаетъ въ домѣ своемъ за семействомъ и хозяйствомъ своимъ и «не ѣстъ хлѣба праздности», то безъ сомнѣнія, общее и глубокое уваженіе ей особенно и преимущественно подобаетъ.

О подобной женщинѣ молчать не слѣдуетъ. Еще болѣе: въ нашу эпоху, прыткую и легко разгорающуюся предъ каждою новизною, а вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ быть, чрезъ чуръ скептическую и отрицательную въ другихъ отношеніяхъ, сознается полезнымъ и почти обязательнымъ, возбуждать, или по крайней мѣрѣ попытаться возбуждать, сочувствіе къ отдаленнымъ образцамъ, къ характеристическимъ личностямъ другаго времени, другаго порядка, другихъ понятій и, такъ сказать, вѣрованій. Нехудо иногда сравнивать настоящее время съ минувшимъ и провѣрять себя, то есть человѣка. При этомъ все хорошее, добытое новыми поколѣніями при нихъ и останется; никто и ничто не можетъ посягнуть на него. Но при сравненіи, при повѣркѣ, если что нибудь окажется не совсѣмъ удавшимся, если окажется гдѣ нибудь пробѣлъ, то почему не позаимствовать у минувшаго то, что̀ не сокрушитъ, не измѣнитъ, не ослабитъ настоящаго, а напротивъ можетъ служить ему опорою и цѣлебною силою?

Подъ вліяніемъ этихъ соображеній, я вызвалъ изъ мрака забвенія, изъ замогильнаго молчанія имя и образъ княгини Екатерины Андреевны Оболенской.

1877. *Князь Вяземскій.*